

DOI 10.35775/PSI.2025.123.11.019

УДК 32.323

М.И. БОЛЬШАКОВ

аспирант Факультета государственного и муниципального управления
Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС,

Россия, г. Орёл

E-mail: maskim.bolshakov@yandex.ru

SPIN-код: 8944-3587

AuthorID: 1289664

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: СТРУКТУРА И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Исследование посвящено комплексному анализу институциональных механизмов государственной молодежной политики в современной России, рассматриваемых через призму структурно-функционального подхода и теории публичной политики. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью молодежи как стратегического ресурса развития государства и необходимостью осмысления трансформации управленческих моделей в данной сфере. В фокусе внимания находится диалектическое взаимодействие формальных институтов и реальных практик реализации молодежной политики, что позволяет выявить системные противоречия и точки роста всей управленческой системы.

Методологическая основа исследования сочетает институциональный анализ и сравнительно-политологические методы, что дает возможность проследить генезис организационных структур от федерального до муниципального уровня. Особое внимание уделяется процессу формирования нормативно-правового поля, определяющего компетенции различных субъектов молодежной политики – от профильных департаментов федеральных органов власти до региональных управлений и общественных организаций, функционирующих в качестве операторов государственных программ. Анализируется эволюция управленческих подходов от отраслевого принципа к проектно-целевому методу, ставшему доминирующим в последнее десятилетие.

Центральное место в работе занимает исследование практик реализации молодежной политики через призму концепции политических сетей. Доказывается, что эффективность государственных инициатив напрямую зависит от качества координации между институциональными акторами и гражданскими структурами. На примере конкретных федеральных проектов раскрывается механизм взаимодействия государственных органов, образовательных учреждений, молодежных парламентов и некоммерческого сектора. Выявляются дисфункции вертикально интегрированной системы управления, проявляющиеся в нарушении обратной связи с молодежными сообществами и недостаточном учете региональной специфики. Материалы исследования

могут быть использованы при корректировке государственных программ и совершенствовании нормативной базы, регулирующей сферу молодежной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: институциональные механизмы государственного управления, молодежная политика, структурно-функциональный анализ молодежных институтов, практики реализации политических решений, верификация эффективности управленческих моделей, региональные диспозиции в осуществлении государственной политики, нормативно-правовое регулирование молодежной сферы.

Введение. Актуальность анализа институциональных механизмов государственной молодежной политики в современной России обусловлена комплексом теоретических вызовов и практических потребностей, связанных с трансформацией роли молодого поколения в социально-политических процессах. В условиях геополитической турбулентности и санкционного давления молодежь становится не просто объектом государственного управления, а критически важным ресурсом национальной безопасности и суверенного развития. Однако существующая система взаимодействия государства с молодым поколением демонстрирует ряд системных противоречий, требующих глубокого научного осмысления.

Теоретическая значимость работы определяется необходимостью преодоления фрагментарности в изучении институционального дизайна молодежной политики. Большинство существующих исследований ограничиваются анализом либо нормативно-правовой базы, либо отдельных направлений работы с молодежью, не предлагая целостной картины функционирования институционального комплекса. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел через применение сетевого подхода, позволяющего раскрыть взаимосвязь между формальными структурами и реальными практиками реализации политики.

Практическая востребованность исследования связана с необходимостью оценки эффективности масштабных организационных преобразований последних лет, включая создание профильных управленческих структур и реализацию национальных проектов. Анализ функционирования обновленной институциональной архитектуры – от Федерального агентства по делам молодежи до региональных центров гражданского воспитания – позволяет выявить дисфункции управленческой вертикали и предложить модели оптимизации административных процессов. Особую важность приобретает изучение координационных механизмов между государственными органами, образовательными организациями и общественными объединениями, от качества которых зависит достижение стратегических целей молодежной политики.

Социальный контекст актуализирует необходимость переосмысления коммуникативных стратегий государства в молодежной среде. Цифровая трансформация общественных отношений, рост значения неформальных образовательных траекторий и усложнение процессов идентификации требуют адекватного ответа со стороны институтов молодежной политики. Исследование механизмов адаптации государственных структур к изменяющимся запросам молодого поколения позволяет разработать научно обоснованные рекомендации

по совершенствованию каналов коммуникации и методов вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь.

Стратегическая важность работы определяется необходимостью формирования концептуальных основ молодежной политики в контексте обеспечения национального суверенитета. Анализ зарубежного опыта показал, что государства, добившиеся успеха в построении эффективной системы работы с молодежью, обеспечили себе долгосрочные конкурентные преимущества. В этой связи выявление специфики российской институциональной модели и ее сравнительный анализ с лучшими международными практиками создает теоретический задел для укрепления позиций страны в глобальном соперничестве.

Материалы и методы исследования. Методология исследования базируется на синтезе неоинституционального подхода и теории публичной политики, что позволяет анализировать формальные и неформальные правила функционирования молодежной политики. Институциональный анализ применяется для изучения структуры органов власти, нормативной базы и механизмов взаимодействия между различными акторами. Сравнительный метод используется для выявления особенностей реализации молодежной политики на федеральном и региональном уровнях. Качественный контент-анализ программных документов и отчетных материалов государственных органов позволяет выявить приоритеты и противоречия в осуществлении молодежной политики. Для изучения практик реализации применяется кейс-стади конкретных проектов и программ. Метод включенного наблюдения используется для анализа деятельности молодежных организаций и органов молодежного самоуправления. Системный подход обеспечивает целостное рассмотрение молодежной политики как сложного социально-политического феномена. Эмпирическую базу составляют законодательные акты, ведомственные отчеты, статистические данные и результаты экспертных интервью с представителями государственных органов и молодежных организаций.

Проблематика государственной молодежной политики в отечественной науке представлена в работах, условно разделяемых на три направления. Первое сосредоточено на общетеоретических аспектах, где авторы заложили концептуальные основы понимания молодежи как субъекта общественных отношений. Второе анализирует конкретные направления молодежной политики, однако часто вне системной связи с институциональным дизайном. Третий подход рассматривает отдельные институты, но без комплексного анализа их взаимодействия.

Зарубежный опыт изучения молодежной политики предлагает ценные компаративные модели, но их применимость ограничена российской институциональной спецификой. Значительный пробел сохраняется в исследованиях, интегрирующих анализ нормативной базы, организационной структуры и реальных практик реализации. Недостаточно изучена динамика трансформации институциональных механизмов в контексте меняющихся вызовов, что определяет научную нишу настоящего исследования.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 5; 6; 7; 8; 13; 14; 15; 23].

Однако проблему комплексного анализа институциональных механизмов государственной молодежной политики в современной России нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Основные результаты исследования. Эволюция понятийного аппарата и теоретических подходов в изучении молодежной политики демонстрирует переход от рассмотрения молодежи как объекта социальной защиты к признанию ее активным субъектом общественных преобразований. В отечественной научной традиции это нашло отражение в работах И.М. Ильинского [11], П.А. Меркулова [16. С. 12-31], В.А. Лукова и С.В. Полутина, где последовательно развивалась концепция молодежи как социально-демографической группы с особым потенциалом и социальными функциями. Современные исследователи, включая Л.В. Алиеву и Е.Г. Слуцкого, акцентируют внимание на управленческом аспекте, рассматривая молодежную политику как систему целенаправленных действий государства и общества.

Институциональная теория как основа анализа структур управления позволяет исследовать не только формальные организации, но и неформальные правила, регулирующие взаимодействие между субъектами молодежной политики. Применение концепции «правил игры» Д. Норта к изучению российской модели выявляет устойчивые паттерны поведения, складывающиеся между федеральными, региональными и муниципальными уровнями управления [19]. Институциональный анализ помогает объяснить, почему принимаемые нормативные акты не всегда приводят к ожидаемым изменениям в практике работы с молодежью, выявляя значение неформальных институтов и зависимость от пути.

Сравнительный анализ зарубежных моделей молодежной политики раскрывает разнообразие институциональных решений в данной сфере. Европейская модель, подробно изученная Д. Фукс и Г. Уоллесом, характеризуется акцентом на социальную интеграцию и гражданское участие, тогда как азиатский подход, описанный в работах К. Бенда, делает упор на образовательные достижения и патриотическое воспитание [24. Р. 78-94]. Особый интерес представляет опыт стран БРИКС, где сочетаются элементы под руководством государственной политики и общественных инициатив. Компаративные исследования позволяют выявить универсальные тенденции и национальную специфику в построении институтов молодежной политики.

Синтез институционального и сравнительного подходов создает методологическую основу для анализа российской модели молодежной политики в ее динамике. Такой ракурс позволяет преодолеть ограничения узковедомственного подхода и рассмотреть институциональные механизмы в контексте взаимодействия государства, общества и самой молодежи. Это особенно важно для понимания трансформации институтов в условиях цифровизации и глобальных

вызовов, определяющих новые требования к системе работы с молодым поколением [17. С. 62-70].

Нормативно-правовые основы государственной молодежной политики в России. Федеральное и региональное законодательство в сфере молодежной политики формирует многоуровневую систему правового регулирования, характеризующуюся сложным переплетением общих и специальных норм. Основу составляют Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 2020 года, закрепивший понятийный аппарат и принципы государственного регулирования, а также соответствующие региональные законы, адаптирующие федеральные положения к местным условиям [20]. Анализ законодательной базы субъектов Федерации выявляет существенные различия в подходах к определению молодежного возраста, приоритетных направлений работы и механизмов поддержки, что создает неравные условия для реализации молодежной политики в разных регионах.

Эволюция стратегических документов и программных подходов демонстрирует переход от фрагментарных мер к системному видению молодежной политики как инструмента национального развития. Если в 1990-е годы доминировали концепции социальной поддержки, то с 2000-х годов акцент сместился на гражданско-патриотическое воспитание и формирование кадрового резерва. Современные стратегические документы, включая «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» [22], интегрируют молодежную тематику в контекст национальных целей развития, что отражает повышение статуса данного направления в системе государственного управления.

Разграничение полномочий между уровнями власти представляет собой динамичную систему, находящуюся в процессе постоянной корректировки. Федеральный центр сохраняет за собой функции методологического обеспечения и контроля, тогда регионы получают широкие полномочия по реализации конкретных мероприятий [2. С. 41-46]. Муниципальный уровень, формально не включенный в систему молодежной политики согласно Федеральному закону 2020 года, де-факто остается ключевым звеном практической работы с молодежью, что создает правовой парадокс и требует дальнейшего совершенствования законодательства.

Особый интерес представляет анализ правоприменительной практики, выявляющий дисбаланс между формальными установлениями и реальными механизмами реализации. Несмотря на провозглашенный в законодательстве приоритет проектного подхода, многие регионы продолжают использовать устаревшие формы работы, не отвечающие запросам современной молодежи [3. С. 39-43]. Это свидетельствует о необходимости не только совершенствования нормативной базы, но и развития управленческих компетенций на местах, без чего даже прогрессивные законодательные решения не гарантируют повышения эффективности молодежной политики.

Институциональная архитектура системы молодежной политики. Структура федеральных органов управления молодежной политикой представляет собой многоуровневую систему с четкой вертикалью подчинения. Ключевым

субъектом выступает Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), осуществляющее функции по реализации государственной политики и оказанию государственных услуг в сфере молодежной политики [21]. Координацию межведомственного взаимодействия обеспечивает Правительственная комиссия по делам молодежи, что отражает комплексный характер рассматриваемой сферы. Особенностью российской модели является дублирование функций между Росмолодежью и профильными департаментами Министерства науки и высшего образования, что порождает определенные управленческие коллизии и требует постоянной координации.

Региональные и муниципальные модели институционализации демонстрируют значительный разброс организационных решений, обусловленный как объективными факторами (бюджетная обеспеченность, демографическая ситуация), так и субъективными (политическая воля руководства). В субъектах Федерации сложились три основные модели: отдельные профильные комитеты или управления, структурные подразделения в составе органов по образованию или спорту, а также децентрализованное выполнение функций различными ведомствами [18. С. 69-75]. Муниципальный уровень, несмотря на формальное отсутствие соответствующих полномочий, остается ключевым звеном практической работы через молодежные центры и учреждения дополнительного образования.

Роль общественных организаций и молодежных парламентов эволюционирует от формального представительства к реальному участию в выработке политических решений. Молодежные парламенты при законодательных собраниях субъектов Федерации и молодежные правительства при исполнительных органах власти стали важными каналами обратной связи и социальными лифтами для активной молодежи [12. С. 69-75]. Общественные организации, прошедшие аккредитацию в соответствии с Федеральным законом № 489-ФЗ, получают доступ к бюджетному финансированию, но одновременно попадают в жесткие рамки государственного заказа, что ограничивает их потенциал как институтов гражданского общества. Анализ институциональной архитектуры выявляет системную проблему рассогласованности между различными уровнями управления. Федеральные инициативы далеко не всегда находят адекватное продолжение на региональном и муниципальном уровнях из-за различий в ресурсном обеспечении и кадровом потенциале [10. С. 124-141]. Это приводит к тому, что провозглашенные на федеральном уровне амбициозные цели подменяются на местах формальными отчетными показателями, не отражающими реальное положение дел в молодежной среде. Преодоление этого разрыва требует не только совершенствования нормативной базы, но и развития управленческих компетенций на всех уровнях власти.

Практики реализации молодежной политики в субъектах РФ. Сравнительный анализ региональных моделей реализации выявляет существенные различия в подходах субъектов Федерации к организации работы с молодежью. В экономически развитых регионах, таких как Москва, Московская область и Татарстан, сложились комплексные системы, включающие развитую инфраструктуру молодежных центров, многоуровневое финансирование

и регулярный мониторинг потребностей молодого поколения [9. С. 17-19]. В то же время многие регионы Северного Кавказа делают акцент на патриотическом воспитании и профилактике экстремизма, тогда как депрессивные территории Урала и Сибири часто ограничиваются формальным выполнением федеральных указаний без учета местной специфики. Это порождает значительный разрыв в качестве и доступности молодежной политики для жителей разных регионов.

Механизмы финансирования и ресурсного обеспечения демонстрируют высокую зависимость от бюджетных ассигнований при минимальном участии внебюджетных источников. Анализ исполнения региональных бюджетов показывает, что в среднем лишь 0,3-0,8% расходов субъектов Федерации направляется на молодежную политику, причем эти средства распределяются по остаточному принципу после финансирования социально значимых отраслей. Грантовые конкурсы Росмолодежи и Фонда президентских грантов лишь отчасти компенсируют этот дисбаланс, поскольку их средства носят целевой характер и не могут быть направлены на развитие инфраструктуры или системные проекты. Кадровое обеспечение также остается проблемным полем – в большинстве регионов отсутствуют программы профессиональной переподготовки специалистов по работе с молодежью.

Оценка эффективности программ и проектов сталкивается с методологическими сложностями, связанными с определением содержательных критериев успешности. Существующая система мониторинга, введенная в 2022 году, делает основной акцент на количественных показателях (охват участников, число мероприятий), что провоцирует «накрутку» статистики в ущерб качеству работы. Качественные изменения в молодежной среде, такие как рост гражданской активности или профессиональное самоопределение, остаются за рамками официальной отчетности. Региональные органы власти редко проводят независимые социологические исследования, позволяющие оценить реальное воздействие реализуемых программ на целевую аудиторию. Проведенный анализ позволяет заключить, что эффективность молодежной политики напрямую зависит от способности региональных властей адаптировать федеральные стандарты к местным условиям и наладить конструктивный диалог с самой молодежью. Успешные практики, такие как система наставничества в Татарстане или программа молодежного предпринимательства в Тюменской области, демонстрируют важность учета специфики региона и создания горизонтальных связей между различными акторами молодежной политики.

Перспективы оптимизации институциональных механизмов. Выявление системных противоречий и проблем реализации молодежной политики позволяет обозначить ключевые точки институциональной трансформации. Анализ показывает устойчивое воспроизводство разрыва между формальными институтами и реальными практиками, что проявляется в декларативности многих законодательных норм, недостаточной координации между федеральным, региональным и муниципальным уровнями, а также в преобладании количественных показателей над качественными результатами. Существенным противоречием остается несоответствие между традиционными формами работы

с молодежью и актуальными запросами поколения Z, что снижает эффективность коммуникации и уровень вовлеченности целевой аудитории.

Разработка предложений по совершенствованию управления предполагает реализацию комплекса мер организационно-правового и содержательного характера. В институциональном дизайне целесообразно предусмотреть четкое разграничение полномочий между уровнями власти с одновременным созданием гибких механизмов координации их деятельности. Важным направлением является внедрение проектного управления с использованием цифровых платформ, позволяющих отслеживать жизненный цикл инициатив от идеи до результата. Необходимо пересмотреть систему финансирования, предусмотрев многоканальную модель, сочетающую бюджетные ассигнования, грантовые механизмы и средства частно-государственного партнерства.

Модель адаптивной системы молодежной политики должна основываться на принципах гибкости, обратной связи и субсидиарности. Ее архитектуру предлагается выстраивать как сетевую структуру, объединяющую государственные органы, образовательные организации, бизнес-сообщество и институты гражданского общества. Ключевым элементом такой системы становится создание молодежных консультативных советов с реальными полномочиями по участию в принятии решений, а не только с совещательными функциями. Технологическим ядром модели может стать цифровая платформа, аккумулирующая данные о потребностях молодежи и позволяющая оперативно корректировать программы работы.

Особое значение приобретает разработка многоуровневой системы оценки эффективности, сочетающей количественные и качественные показатели. Предлагается внедрить регулярный мониторинг удовлетворенности молодежи предоставляемыми услугами, а также отслеживать долгосрочные эффекты участия в программах – карьерные траектории, уровень гражданской активности, социальное самочувствие. Такой подход позволит перейти от оценки формальных результатов к измерению реального воздействия молодежной политики на развитие человеческого капитала и укрепление национальной безопасности.

Заключение. Проведенный анализ институциональных механизмов государственной молодежной политики в России позволяет констатировать формирование сложной многоуровневой системы управления, прошедшей значительную эволюцию от фрагментарных мероприятий к целостной стратегии. Сложившаяся структура демонстрирует характерный для российской модели управления синтез вертикальной интеграции и элементов сетевого взаимодействия, где федеральные органы власти задают стратегические ориентиры, а региональные и муниципальные институты адаптируют их к местной специфике. Однако выявленная в ходе исследования ригидность административной вертикали зачастую ограничивает потенциал гибкого реагирования на быстро меняющиеся запросы молодежных сообществ.

Центральным противоречием исследуемой сферы остается дисбаланс между формальной институционализацией и реальными практиками реализации. Создание разветвленной сети молодежных органов и организаций не всегда сопровождается адекватным кадровым и ресурсным обеспечением,

что приводит к декларативности многих провозглашенных целей. Наиболее успешные кейсы реализации молодежной политики демонстрируют зависимость эффективности от личности конкретного руководителя и качества межведомственной координации, а не только от формальных полномочий институтов. Это свидетельствует о сохранении значительной роли неформальных практик в функционировании системы.

Перспективы развития институциональной архитектуры молодежной политики видятся в оптимизации распределения полномочий между уровнями власти с усилением роли региональных и муниципальных институтов. Целесообразным представляется переход от унифицированных федеральных программ к модульным моделям, позволяющим учитывать специфику территорий. Ключевым направлением совершенствования должно стать создание гибких механизмов обратной связи, обеспечивающих постоянную корректировку политики на основе актуальных запросов самой молодежи, а не ведомственных представлений о ее потребностях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Балынская Н.Р., Муртазин Р.А., Шкурко Н.С.** Трансформации молодежной политики Российской Федерации (на примере работы профильных форумов) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 2.
2. **Большаков М.И.** Трансформация государственной молодежной политики в современной России // Научные записки академии. 2025. Т. 16. № 2. EDN KVVWDEB.
3. **Большаков М.И.** Государственная молодежная политика РФ: институциональные ловушки и поиск новой функциональности // Научные записки академии. 2025. Т. 16. № 3. EDN EZHBIT.
4. **Борисова Н.Р., Тухватулина К.М.** Политико-правовая социализация современной российской молодежи и повышение уровня ее позитивной электоральной активности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 10.
5. **Войтович П.С., Курочкин А.В.** Особенности политической социализации молодежи в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 9.
6. **Горобец В.В.** Особенности видеоигр в контексте политической социализации молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 6.
7. **Дадаев З.А.** Специфика воздействия масс-медиа на формирование политического сознания молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4.
8. **Двойнева Ю.К., Делов Н.С., Григорян Д.К.** Патриотизм как фактор социальной сплоченности в условиях проведения Специальной военной операции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 8.
9. **Дьячкова Е.Е.** Вопросы реализации молодежной политики в регионах / Е.Е. Дьячкова, Е.Н. Бабина / Университетская наука – региону: Сборник

- материалов XI (68) ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, 01 апреля 2024 года. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. EDN XVVIHN.
10. **Иларионова Т.С.** Подготовка бойца идеологического фронта: к истории журналистского образования (1918-1991 гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. 2025. Т. 14. № 2. EDN EDUMMH.
 11. **Ильинский И.М.** Молодежь и молодежная политика. Москва: Голос, 2001.
 12. **Кирюхина Ю.В.** Эволюция имиджа органов внутренних дел в контексте социальных изменений современного периода // Вестник государственного и муниципального управления. 2025. Т. 14. № 3. EDN ZWVOYV.
 13. **Комарова М.В.** Интерпретация идеологической идентичности как современного подхода в методологии теории государственности // Вопросы политологии. 2024. № 9.
 14. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** Молодежная политика: историческое просвещение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей // Вопросы политологии. 2025. № 7.
 15. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** Государственная молодежная политика: современный исследовательский ракурс // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 7.
 16. **Меркулов П.А.** Эволюция молодежной политики в России в свете новых конституционных оснований: историко-политологические аспекты // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9. № 3. DOI 10.22394/2225-8272-2020-9-3-12-31. EDN TPRFXM.
 17. **Меркулов П.А.** Кадровое обеспечение сферы государственной молодежной политики // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. Т. 8. № 1. EDN WKEAPB.
 18. **Меркулов П.А.** Российская специфика становления и реализации государственной молодежной политики / П.А. Меркулов, В.Н. Орлова // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1 (16). DOI 10.12737/11650. EDN UAWNUZ.
 19. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1993.
 20. О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2021. № 1 (Ч. I). Ст. 28; 2025. № 30 (Ч. II). Ст. 4407.
 21. О Федеральном агентстве по делам молодежи: постановление Правительства РФ от 29.05.2008 № 409 (ред. от 14.03.2025) // СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2586; 2025. № 11. Ст. 1176.
 22. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) // СЗ РФ. 2024. № 36. Ст. 5484; 2025. № 19. Ст. 2334.
 23. **Титов В.В.** Проблема формирования общероссийской гражданской идентичности российской молодежи в условиях новых политических вызовов 2020-х гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.

24. **Fuchs D.** Youth and Politics in Changing Contexts // Oxford Research Encyclopedia. 2020.

M.I. BOLSHAKOV

Postgraduate student, Central Russian Institute
of Management, Branch of RANEPa,
Oryol, Russia
SPIN-code: 8944-3587
AuthorID: 1289664

INSTITUTIONAL MECHANISMS OF STATE YOUTH POLICY IN RUSSIA: STRUCTURE AND IMPLEMENTATION PRACTICE

This study provides a comprehensive analysis of the institutional mechanisms of state youth policy in contemporary Russia, examined through the prism of a structural-functional approach and public policy theory. The relevance of this work stems from the growing role of youth as a strategic resource for state development and the need to understand the transformation of governance models in this area. The focus is on the dialectical interaction between formal institutions and actual practices of youth policy implementation, which allows for the identification of systemic contradictions and growth points within the entire governance system.

The study's methodological framework combines institutional analysis and comparative political science methods, enabling the evolution of organizational structures from the federal to the municipal level. Particular attention is paid to the formation of the regulatory framework defining the competencies of various youth policy actors – from specialized departments of federal government bodies to regional administrations and public organizations operating state programs. The evolution of governance approaches from the sectoral principle to the project-based, target-based method, which has become dominant in the last decade, is analyzed. The central focus of this paper is the study of youth policy implementation practices through the lens of political networks. It is demonstrated that the effectiveness of government initiatives directly depends on the quality of coordination between institutional actors and civil society organizations. Using specific federal projects as examples, the mechanism of interaction between government agencies, educational institutions, youth parliaments, and the non-profit sector is revealed. Dysfunctions of the vertically integrated governance system are identified, manifested in disrupted feedback with youth communities and insufficient consideration of regional specifics. The research findings can be used to adjust government programs and improve the regulatory framework governing youth policy in the Russian Federation.

Key words: institutional mechanisms of public administration, youth policy, structural and functional analysis of youth institutions, policy implementation practices, verification of the effectiveness of governance models, regional dispositions in the implementation of public policy, legal regulation of the youth sector.